

дверей, чтобы посмотреть, не вернется ли лакей еще раз. И спустя четверть часа увидел, как тот снова сошел вниз и стал оглядываться по сторонам, высматривая, нет ли кого во дворе. Тогда у князя не осталось сомнений, что сеньор де Шериотц находится в спальне вдовы и, опасаясь встречи с ним, не решается оттуда выйти. И он продолжал гулять взад и вперед по двору. Он заметил, что окно спальни выходит в садик и что оно не очень высоко над землей, и ему вспоминалась поговорка: «Коли через дверь не выйти, лезь через окно». Он тут же позвал своего лакея и наказал ему:

– Ступай в садик, и если только из окна будет вылезать мужчина, то, как только он опустится на землю, выхватывай шпагу, ударяй ею об стену и кричи: «Рази, рази!» – только, смотри, сам его не трогай.

Лакей пошел исполнять приказание своего господина, а князь продолжал гулять до трех часов ночи. Когда сеньору де Шериотцу сказали, что князь все еще на дворе, он действительно решил выбраться через окно и, выкинув сначала свой плащ, выскочил в садик. Как только лакей князя заметил его, он сразу же стал лязгать шпагой и закричал: «Рази! Рази!»

Бедный сеньор де Шериотц до того перепугался, что, забыв про свой плащ, убежал со всех ног. Он наткнулся на стражников, охранявших замок, которые очень удивились, видя, с какой быстротой он бежит. Но он не решился им ничего рассказать и только стал умолять их открыть ему ворота или пустить его к себе до утра, что им и пришлось сделать, так как ключей от ворот у них не было.

Вернувшись к себе, князь нашел жену спящей. Разбудив ее, он сказал:

– Угадайте, дорогая, который теперь час?

– С вечера, когда я легла спать, – отвечала она, – я не слыхала, чтобы часы били.

– Сейчас уже больше трех, – сказал он.

– Господи Иисусе, да где же это вы были столько времени? Боюсь, как бы теперь вы не захворали.

– Дорогая моя, – сказал князь, – я не давал спать тем, кто хочет меня обмануть, от этого я никогда не захворюю.

И он стал так хохотать, что жена попросила рассказать ей все по порядку, что он и сделал, показав ей плащ, который притащил его лакей. И, посмеявшись вдоволь над бедными влюбленными, они заснули мирным сном, в то время как двое других всю ночь провели в волнении и страхе, что их накрыли. Наутро, хорошо понимая, что ему не удастся ничего утаить от князя, сеньор де Шериотц пришел просить его, чтобы тот не разглашал его тайны и вернул ему плащ. Князь сделал вид, что ничего не знает, и принял его так вежливо, что сеньор де Шериотц был очень смущен. Но перед уходом ему пришлось услышать нечто совсем иное: князь пригрозил ему, что, если только он придет к своей даме еще раз, он обо всем расскажет королю и ему уже больше не быть при дворе.

– Судите сами, благородные дамы, не лучше ли было бы этой несчастной откровенно рассказать все тому, кто так ее любил и чтил, вместо того чтобы заставить его подвергать ее испытанию, столь для нее постыдному!

– Она знала, что, если признается ему во всем, – сказал Жебюрон, – она навсегда потеряет его расположение, а потерять его она ни за что не хотела.

– По-моему, раз уж она выбрала себе мужа по вкусу, – сказала Лонгарина, – нечего было бояться потерять дружбу других мужчин.

– Я убеждена, что если бы она решилась всем объявить о своем замужестве, – сказала Парламента, – она была бы вполне удовлетворена любовью своего мужа. Но раз она задумала все скрывать до тех пор, пока не выдаст замуж дочерей, то, значит, ей действительно хотелось сохранить дружбу с князем, под прикрытием которой она могла продолжать свои встречи с Шериотцем.

– Дело не в этом, – сказал Сафредан, – а в том, что женщины настолько тщеславны, что удовлетвориться од. ним мужчиной они никогда не могут. Мне доводилось слышать, что даже самые скромные из них охотно соглашаются иметь троих: одного для почета, другого для богатства и третьего для наслаждения. Причем каждый из троих думает, что его любят больше всех. В действительности же двое первых всегда служат третьему.

– Вы говорите о женщинах, которые не умеют ни любить, ни беречь свою честь, – сказала Уазиль.